

Путевой обходчик

Пройти и увидеть

Прошлое — призрак, будущее — мечта,
и всё, что у нас есть,— это настоящее.

*Билл Косби, американский актёр,
режиссёр, сценарист*

1.

Пассажирский поезд промчался по встречному пути, когда обходчик подошёл к первой избушке.

Он проводил взглядом уходящий на восток состав и спустился с откоса. Подойдя к избушке, проверил, закрыта ли на замок дверь. Убедившись, что закрыта, открыл калитку палисадника и, обойдя избушку, заглянул в единственное её окно, смотревшее в сторону леса. Молотки для забивки костылей, именуемые костыльными, но в разговоре называемые кувалдами, стояли и лежали в углу слева от двери; путевые гаечные ключи для завинчивания и отвинчивания гаек стыковых болтов были сложены в открытом деревянном ящике недалеко от окна; лапчатые костыльные ломы, предназначенные для выдёргивания костылей, рельсовые клещи и так называемые дексели — топоры для зачистки шпал — тоже, где лёжа, где стоя, располагались вдоль правой глухой стены. Из окна, с левой стороны, был виден угол небольшой печки, на которой стоял железный чайник, а из-под стола, располагавшегося посередине комнаты,

словно спрятанные от кого-то, выглядывали колёса двух небольших однорельсовых тележек для перевозки грузов.

Сложенная из выбракованных шпал и оббитая сверху вагонной доской избушка появилась на месте стоявшей здесь много лет железнодорожной будки не так давно. Когда на его участке расширяли земляное полотно и прокладывали вторые железнодорожные пути, из четырёх расположенных по участку будочек две — вторую и третью — разобрали сразу. Вместо них на седьмой от Тайшета версте сложили из брёвен добротное (длиною восемь и шириною пять метров) здание — настоящий дом, с пристроенными сенями. В этом доме с кирпичной печкой дневали и ночевали строители вторых путей, а потом его закрепили за путевыми рабочими — путейцами, как их стали называть. Летом, когда на участке проводились работы по замене выбракованных шпал, там жили бригады путейцев. Да и зимой дом пустовал редко: приезжающие из Тайшета на борьбу со снегопадом и снежными заносами люди хозяйничали в нём по нескольку дней. Тогда к хранившемуся в сенях дома путевому инструменту добавлялись ломы, мётлы и широкие деревянные лопаты.

При расширении земляного полотна и постройке бревенчатого дома на седьмой версте решили было сломать «за ненадобностью», как говорило начальство, и первую от станции, а заодно и четвёртую, у Бирюсинского моста, будочки. Но сразу их не сломали, а потом, когда второй путь на участке был готов и строители ушли дальше, про будки забыли. А они пригодились: и обходчику и путевым рабочим служили укрытием в непогоду. Там тоже оставляли и путевой инструмент, и лопаты, и косы, которыми по нескольку раз за лето скашивали подрастающую на откосах траву. Будочки простояли ещё почти три десятка лет, пока совсем не обветшали и пока в Тайшете не появился свой шпалопропиточный завод. С появлением завода по пропитке шпал креозотом стали чаще менять на путях изношенные шпалы. Отслужившие (или, как говорили мастера-путейцы, «отработанные») сначала бросали в низинах откоса, а потом собирали и увозили на станцию. Но не все. Бывало, что их складировали у дома на седьмой версте и возле будочек. И чаще всего случалось так, что вагон-платформа, привозившая на участок новые пропитанные креозотом шпалы, после разгрузки увозила только что вырванные из полотна, а до сложенных возле дома и будок дело не доходило. Шпалы же там копились, и их уже складывали в два ряда, подпирая глухие стены. Это не нравилось обходчику, и он однажды, проходя со старшим

мастером по околотку, предложил сложить из этих шпал вместо обветшалых уже будочек небольшие избушки:

— Всё равно они лежат — пропадают, а так в дело пойдут...

Мастер предложение обходчика поддержал и высказал его на общей планёрке железнодорожников. Обсуждение этого предложения вызвало на планёрке неожиданное оживление. Несколько инженеров высказались против, считая, что «долгое нахождение в постройках из пропитанных креозотом отработанных шпал может повредить здоровью работников». Но большинство мастеров пути предложение поддержали и настояли на строительстве для путейцев таких избушек («временных домиков»), утверждая, что «жить там постоянно никто не собирается, а если оббить их досками, из которых делают крытые вагоны, то и запах креозота сойдёт на нет; собранные же из пропитанных креозотом шпал домики могут простоять не одно десятилетие». Примеры тому были: избушки из шпал — временки — уже давно строили у себя на огородах железнодорожники. Кто-то оббивал их снаружи вагонной доской, а кто и не утруждал себя этим.

Руководство станции приняло решение в пользу построек, и весной 1937 года на месте первой и четвёртой будок появились небольшие, размером три на четыре метра, избушки-домики, оббитые как внутри, так и снаружи вагонной доской. Плотницкая бригада, что строила на станции жилые дома для железнодорожников, разобрала старые будки и поставила новые избушки за три дня. Сделали строители работу умело: залили фундамент, а чтобы не было щелей (как они говорили, «зазоров»), шпалы укладывали на мох. Сложили из кирпича небольшие печки. Правда, окна в обеих избушках почему-то смотрели на лес, зато дверь прорубили со стороны железной дороги.

— А зачем тебе из окна на откос глядеть? Поезд пойдёт — ты и так услышишь. Выйдешь на крыльцо, поприветствуешь, — сказал обходчику бригадир строителей, когда тот задал ему вопрос про окна.

— Ну ладно, что ж теперь-то... Пусть будет так... — согласился обходчик и попросил бригадира из оставшейся вагонной доски сделать палисадники: отгородить с двух сторон избушки метра на полтора.

— Я грядки сделаю, — объяснил он бригадиру свою просьбу. — Лучок, редиску, репку посажу. Картошки немного... Кустов десять-пятнадцать взойдёт — и то хорошо будет. Капусты кочана три-четыре.

— Да ты, братец, я гляжу, в жизни-то не пропадёшь! Хват! Хозяйственный мужик: тут редисочкой закусишь, у моста репку съешь — и продукты с собой носить не надо. Молодец! Скоро и поросят тут выращивать начнёшь, чтобы и сальцом, и пельмешками-котлетками себя во время обхода побаловать! — засмеялся бригадир и просьбу обходчика исполнил.

2.

Обходчик перелез через небольшой, с полметра высотой, палисадник, обошёл избушку с правой стороны, ещё раз проверил замок на двери. Заходить в дом не стал.

Карманные часы его показывали девять часов утра, когда он снова поднялся к железной дороге.

Наступал новый погожий, солнечный день начала осени — восемнадцатое сентября 1939 года.

День восемнадцатого сентября был днём его рождения, и тридцать пятый раз обходчик встречал его на участке. Со слов матери он знал, что появился на свет утром, около девяти часов. За эти тридцать пять лет, что работал обходчиком железнодорожного пути, ни одного разу дождь не заставлял его в день рождения на участке. Удивительное дело: даже если накануне, семнадцатого сентября, погода была ненастной и ночью лил дождь, к утру восемнадцатого тучи рассеивались, и солнце, даже не по-осеннему, а вполне по-летнему пригревая, сопровождало его до Бирюсинского моста и обратно. Эту особенность заметил отец обходчика, и в начале сентября полушутя-полусерьёзно он обычно говорил матери:

— С картошкой нынче торопиться не надо. Будем держать в уме восемнадцатое... Если с начала месяца не успеем выкопать, то восемнадцатого закончим.

3.

Много вёрст-километров прошагал обходчик за эти тридцать пять лет. Немало воды утекло по ручью, протекающему возле высокого откоса, за это время. Тысячи облаков и туч проплыли по небу над ним, то закрывая, то открывая солнце. Много хорошего и плохого произошло за эти годы в жизни обходчика. Не все дни, прожитые им, были ласковыми и тёплыми, как день восемнадцатого сентября. Бывало, сыпали, как шрапнелью, с неба мелкие осенние дожди, водопадами заливали полотно летние ливни, пугали раскатами грозы, заматали пути зимние

метели, жалили лютые морозы. Время от времени менялись его начальники, приходили новые мастера, уходили старые путевые рабочие, а он, не пропуская ни одного дня, ходил и ходил по отведённому ему участку: одиннадцать вёрст до моста и одиннадцать обратно, до станции. Вместе с начальством, бывало, менялась и власть. Особенно много перемен произошло в 1918 — 1920 годах. Это время назвали потом Гражданской войной, а до её начала, ещё в девятьсот сорок четыре, пошли один за другим по станции на запад военные эшелоны. Пошли и разговоры, что Петербургу поменяли название и теперь он стал Петроградом, а Москва так и осталась Москвою. Время от времени на собраниях железнодорожников зачитывали сводки с боевых действий, что проходили в Европе, и некоторые рабочие задавали начальству вопрос: а не пойдёт ли немец на Россию?

— Да не допустит этого батюшка-царь, — отвечали мастера, читавшие сводки.

И все верили, что батюшка-царь не пустит ни немцев, ни кого другого в Россию. А через год или два по железной дороге повезли в товарных вагонах на восток, в сторону Иркутска, военнопленных: австрийцев, венгров, румын, чехов, словаков...

— Будут знать австрияки и мадьяры, как с Россией воевать, — говорили, провожая поезда, железнодорожники, и вера в царя-батюшку становилась ещё сильнее.

И было удивительно и неожиданно для многих, когда в конце зимы 1918 года пришло сообщение, что царь Николай Второй отрёкся от престола и в России теперь Временное правительство.

— Да как же так-то? — спрашивал дома скорее сам себя, но обращаясь к своему семейству, ничего не понимающий отец. — Как без царя жить-то теперь?

Без царя-батюшки жизнь у всех его бывших подданных переменилась. На станцию зачастили приезжающие из Красноярска и Иркутска комиссары и эмиссары новой власти. Железнодорожников то и дело стали созывать на митинги, зазывать в различные образовавшиеся советы. Начались бесконечные выборы депутатов и представителей в какие-то органы и собрания. Всего было не упомнить, во всё не вникнуть. Жизнь вокруг становилась другой, но его работа, его обязанность — следить за состоянием железнодорожного пути — осталась той же.

— Без тебя никак нельзя, — говорили обходчику инженеры и мастера. — Без тебя вся безопасность движения под откос уйдёт. Что бы ни случилось, ты, братец, знай своё дело...

И обходчик своё дело знал. И при Временном правительстве, и когда оно сменилось на правительство большевиков, и потом, при Колчаке, и снова при большевиках выходил он с рассветом на свой участок.

Опасно было ходить, когда станцию и ближние к ней деревни заполнили возвращающиеся домой по Транссибирскому железнодорожному пути расконвоированные революцией пленники германской войны. Их всех скопом называли тогда белочехами, но видел и знал обходчик, что были на станции отряды белорумынов и сборные роты солдат разных национальностей. Были и русские — белогвардейцы-колчаковцы, встречал он и красных партизан — жителей Тайшета, Окульшета и даже Баеры, поддерживающих советскую власть и прятавшихся в лесу от пришедших белогвардейцев, чехов и румын.

В начале весны 1919 года, когда в округе установилась власть белых, возле Бирюсинского моста сторонники советской власти попытались разобрать железнодорожные пути. Их отпугнула, обстреляв из винтовок, мостовая охрана, но после этого вместе с обходчиком стали проходить весь участок туда и обратно вооружённые винтовками солдаты — по два, а то и по три. На его участке чрезвычайных происшествий не случилось, а вот западнее, за Бирюсой, возле станции Ключи, в апреле сошли с рельсов несколько вагонов. Сход вагонов застопорил движение поездов по всей магистрали, и обходчику вместе с солдатами дали команду: выходить на проверку пути дважды в день: с рассветом и около шести часов вечера. По всей станции усилили охрану путей, у каждого стрелочного перевода поставили часовых. Почти каждую ночь на улицах Тайшета слышались стрельба, лай собак, крики. Ходили слухи, что ниже по Бирюсе, у села Шиткино, в лесах собралось несколько отрядов партизан — недовольных властью Колчака людей из числа местных жителей — и что к ним примкнула одна рота из колчаковцев, перестрелявшая своих командиров.

В первый день октября 1919 года десятка три железнодорожников согноли к угольной эстакаде, где на их глазах повесили взятого в плен партизанского комиссара Ивана Таёжного. Ивана обходчик знал. Видел несколько раз и даже здоровался с ним, когда тот работал сцепщиком вагонов на станции. Был он из переселенцев, белорус по национальности. Человек толковый, грамотный. Говорили, что до того, как пошёл работать на железную дорогу, служил Иван Таёжный писарем в управе и даже одно время учительствовал.

В сентябре-октябре колчаковцы стали проводить расстрелы не только пойманных ими партизан, но и их родственников, которых называли пособниками бандитов. Жителей ближних к вокзалу домов, включая малолетних детей, насильно сгоняли к местам расстрелов. Показательные расстрелы чаще всего проходили возле высокой кирпичной водонапорной башни, построенной ещё в 1906 году недалеко от вокзала, и на Базарной площади, где шла торговля и всегда толпился народ. Както к водонапорной башне привели сразу пятнадцать человек и, поставив к кирпичной стенке, расстреляли.

С началом зимы, в декабре, пошли слухи, что власть Колчака кончилась и что отряды красноармейцев захватили Омск, Томск, Новониколаевск и подходят к Красноярску. Белочехи и колчаковцы ещё больше усилили охрану железной дороги, и солдаты по нескольку дней жили в железнодорожных будочках. С утра до вечера в будках топились печки, стучали по округе топоры. Рубили деревья. На дрова шли складированные у будок шпалы и даже деревянные ограды будочек.

Весь месяц на вокзале и перроне днём и ночью толпились солдаты, большинство поездов проходили мимо Тайшета, не останавливаясь, на запасных путях стояли вагоны, готовые к отправке, а по главному ходу несколько раз проходил то на запад, то обратно на восток, пугая гудками, диковинный бронепоезд.

В последние дни декабря через Тайшет в Нижнеудинск прошёл эшелон с Верховным правителем России адмиралом Колчаком. Говорили, что в вагонах, вместе с брошенным уже бывшим правителем союзниками, везли к океану много золота и драгоценностей. По слухам, поезд остановили в Нижнеудинске, адмирала арестовали, отправили в Иркутск, где посадили в тюрьму, а потом расстреляли...

Жестокое было время. И хотя позже жизнь не очень баловала калачами и пряниками обходчика, но те годы ему не хотелось потом вспоминать.

4.

Солнце стало пригревать сильнее, когда обходчик вышел на самый крутой на его участке откос. Здесь ручей, убегая автомобильную дорогу, проходящую возле самого откоса. За ручьём виднелись кусты ивы, несколько одиноких деревьев — берёзок, а дальше, метров через триста, начинался лес. Году, наверное, в 1927-м,

а может, в 1928-м, напросился с ним по лезу в обход новый начальник линейного отделения милиции. Отделение на станции тогда было небольшое. Железнодорожная милиция смотрела за порядком на вокзале и перроне, милиционеры выходили к останавливающимся пассажирским поездам, помогали охранникам следить за сохранностью перевозимых грузов.

Когда они с майором подошли к откосу, начальник милиции остановился и стал смотреть на дорогу, на ручей, на лес.

— Я это место на всю жизнь запомнил...— сказал он.— Здесь мы с товарищем, было дело, лет двадцать назад сиганули из арестантского вагона. Я удачно, а вот он...

— А я помню! — оживился обходчик.— Я уже тогда здесь работал. Говорили, убежал какой-то политический арестант Петров, а друг его спрыгнул из вагона и ногу подвернул. Его забрали охранники.

— Я вот тот Петров и есть,— грустно улыбнулся начальник линейного отдела милиции,— Петров Константин Васильевич... Мне иногда снится, как я прыгаю из вагона, как бегу, как товарищ падает... Просыпаюсь и чувствую свою вину, что бросил его тогда... Но если бы я стал помогать товарищу, то и меня бы схватили... Ведь правда? — спрашивал майор у обходчика, словно искал оправдания.— Да это, наверное, было бы глупо — самому сдаться... Зачем тогда бежать? Знаю, что правильно поступил, но вот совесть всё равно не даёт покоя... Я тогда к своим товарищам, до Иркутска, добрался. На подпольной работе был, воевал за народную власть, а после в милицию направили, когда война закончилась. А как сложилась судьба товарища, не знаю. Помню, что его Коростелёв фамилия была, Анатолий по имени.

— Да не корите вы себя,— сказал ему тогда обходчик.— Правильно тогда сделали. Теперь вот вы начальник отдела милиции, а если бы тогда вас поймали, в тюрьму снова посадили, судьба по-другому бы сложилась...

«И правда, интересно судьба у людей складывается,— думал обходчик.— Бывает, такое в жизни происходит, что и в книжках не додумаются сочинить».

А года через три, уже в начале тридцатых, когда майора Петрова повысили в должности и перевели в Иркутск, ехал через Тайшет по назначению инженер-строитель. Обходчик перед выходом на участок зашёл утром на станцию и увидел человека в шляпе и длинном пальто.

— Вот знакомьтесь — товарищ Коростелёв,— представил его мастер обходчику.— Хочет с тобой до откоса прогуляться. Посмотреть на места своей революционной молодости.

И водил на откос обходчик и Коростелёва. И долго тот стоял и смотрел вдаль на кусты ивы, на ручей, на лес. Туда, куда ему убежать не удалось.

Стоял он, вспоминал и, улыбаясь, слушал рассказ обходчика про Петрова. Про то, что и он был здесь и что теперь они обязательно встретятся.

— Вот так, товарищ дорогой! — сказал, обняв его за плечи и смеясь, инженер-строитель Анатолий Иванович Коростелёв.— Тянет преступников на место преступления! Ой, и вправду тянет! Мне же этот побег тоже снится и снится. Вижу, как Петров убегает, а за ним охранники... А я лежу и подняться не могу... Думаю, встретимся теперь с Константином Васильевичем. Спасибо тебе: знаю, где его искать!

Как рассказал Коростелёв, его, с подвёрнутой ногой, привезли тогда в Красноярск, поместили в тюремный лазарет. Потом он был на каторге, на севере Енисейской губернии. Там его и застала революция. Воевал в Гражданскую, после войны выучился на инженера.

— С детства мечтал дома строить. Вот еду теперь на строительство комбината. Специально поехал пораньше, чтобы здесь остановиться. Теперь и в Иркутске остановку сделаю. С Константином встретимся! — говорил весело, с огоньком в глазах, Анатолий.

«Конечно же, они встретились и сейчас, наверное, переписываются, дружбу поддерживают»,— думал, когда вспоминал о Петрове и Коростелёве, обходчик.

5.

Немало разных событий произошло в жизни семьи обходчика и в жизни его соседей за годы Гражданской войны и после.

В 1919 году разорили в Баере белочехи и колчаковцы не одно хозяйство и не один дом. На село, расположенное возле железной дороги, солдаты регулярно делали «продовольственные набеги». Со смехом тащили со дворов курей и поросят, уводили быков, уносили молоко. По осени отбирали зерно, а кто сопротивлялся — поджигали дома. Видя такое дело, отец с обходчиком перегнали корову в Тайшет. Забрали курей, поросёнка и с кой-каким барахлишком перевезли мать с братом.

В Тайшете было спокойнее: семьи железнодорожников не грабили. Оставшийся в Бавере дом отец ездил проводить раз в неделю. В сентябре, когда копали там в огороде картошку, нагрянули во двор солдаты с офицером. Все знали, что у колчаковцев был приказ: забирать с каждого огорода по три-пять мешков картошки, — но он не касался семей железнодорожников. Машинистам паровозов, их помощникам, кочегарам, путевым рабочим и работникам ремонтных мастерских выдавали специальную «охранную грамоту», и их не трогали. Не тронули и семью обходчика. Офицер только посмотрел на бумагу, которую показал отец, напился из колодца и увёл солдат.

Когда в 1919 году отец перевёз из Баеры в Тайшет мать и младшего брата обходчика, старшая сестра его была уже замужем за мастером-инженером вагонных мастерских. Зять — человек учёный и интеллигентный, но добрый и простой, — был из мещан Тверской губернии. На инженера учился в самом Петербурге и добровольно вызвался поехать, как он говорил новой родне, «служить на Транссибирскую магистраль». То, что он был родом из Тверской губернии, откуда приехал в Сибирь и дед обходчика, сыграло немаловажную, а скорее даже главную роль в замужестве сестры. Инженер пришёл сватать сестру неожиданно. До этого никто и не догадывался в семье обходчика, что сестра знакома с инженером. Но, оказалось, они встречались уже с полгода и инженер угощал её леденцами монпансье и дарил дорогие одеколоны. Когда и как они познакомились, сестра из скромности своей умалчивала, да и родители сильно её и не пытали. Инженер пришёл к ним в воскресенье, после обеда, к тому времени, когда в церкви, выстроенной недалеко от Базарной площади, закончилась служба. Видимо, не без совета с сестрой, подгадал, когда дома будут и мать, и отец, и старший брат-обходчик. Жених пришёл в дом невесты с подарками для всей семьи: отцу принёс дорогих папирос, матери — большой, с узорной вышивкой, платок, младшей сестре — одеколон в красивой коробочке, обходчику подарил новую сумку на ремне, а младшему брату — игрушечный паровоз. На стол он выставил красивую коробку конфет. Сватовство продолжалось недолго. За чаем инженер рассказал, что в далёком городке на Волге живут его мать и старшая сестра. Обе учительствуют: мать в гимназии, сестра в приходской школе. Сказал и про отца, что он тоже был учителем и даже дослужился до директора гимназии, но умер рано.

— Я получил письменное благословление от матушки моей на женитьбу,— сказал он, заканчивая рассказ о себе и обращаясь к отцу невесты.— Они с сестрой приехать сейчас не могут — Сибирь не близко. Но мы с вашей дочерью, как я только получу отпуск у начальства, обязательно поедem к ним, и я представлю матери и сестре свою жену.

Инженер всем им понравился. Он даже не намекал на приданое, а наоборот, предложил все расходы по венчанию и свадьбе взять на себя. Но родители невесты всё же, придерживаясь обычая, пошили дочери свадебный наряд и дали за ней перину, тёлочку и несколько курей. Молодые поселились в доме инженера на Юго-Вокзальной улице, и вскоре сестра перешла на работу в вагонные мастерские. Как и младшая сестра её и брат-обходчик, она окончила в Баере приходскую школу, умела хорошо читать и писать. Муж устроил её вести учёт поступивших в ремонт и отремонтированных вагонов, и она хорошо с этим справлялась. А в лето, наверное, 1910-го или 1911 года сестра с мужем совершили далёкое путешествие на родину своих предков.

«В одиннадцатом году, точно,— вспомнил обходчик.— Отец ещё в тот год перешёл из кочегарки на станцию: стал станционным рабочим. Летом они поехали, а мы с отцом их провожали...»

Давно это было, а вроде как вчера. Теперь у инженера и сестры уже дети взрослые. Не успели оглянуться — выросли. Сын закончил школу, потом танковое училище. Теперь он лейтенант — служит на Дальнем Востоке. А дочь — невеста на выданье, хочет на врача выучиться. Отец и дед её поддерживают.

Обходчик улыбнулся, вспомнив, как отец его работал на станции: следил за чистотой на перроне, ремонтировал скамейки, вставлял стёкла в окна. Во многом он тоже был на своей работе сам себе хозяином. И хотя ему приходилось работать каждый день, без выходных, перрон он подметал с утра и, сделав свою работу, если не было других указаний начальства, уходил домой. Зимой работы у него прибавлялось, но расчищать перрон от снега ему в подмогу отправляли двух-трёх человек. Тяжело, как и всем им, пришлось отцу в годы Гражданской войны, когда меняли начальников и на перронах было не протолкнуться. Но пережили и отец, и все они и это время. А вот мать так и не смогла прижиться в Тайшете и, когда тревожное время отступило, упросила отца отвезти её обратно в Баеру. Отец каждый день бывал у неё. Получалось, что он больше жил

в деревне, чем на станции. Бывало, приезжал на вокзал утром, а сделав свою работу, не заходя в дом обходчика, уезжал снова в Баеру — на подводе или договорившись с машинистами паровозов, отправляющихся в сторону Нижнеудинска. Во второй половине двадцатых годов, выйдя на пенсию по старости, отец окончательно перебрался в деревню; когда в Баере стали организовывать коллективное хозяйство, вступил там в колхоз. Работал на заготовке сена, раздавал корма на ферме. Вот и сейчас — отцу под восемьдесят, но он не оставляет работы: трудится в колхозе и дома по хозяйству хлопочет. Живы ещё старики-родители! Обходчик гостит у них, в родной своей деревне, часто. От Тайшета до Нижнеудинска теперь ходит два раза в день, туда и обратно, паровоз с двумя вагонами — хлебным и пассажирским. Хлеб и другие продукты развозят по станционным магазинам, а заодно везут и пассажиров. С недавнего времени такой вот пригородный поезд останавливается и в Баере.

Связал свою судьбу с железной дорогой и младший брат обходчика. Семнадцатилетним пареньком поехал он в ремесленное железнодорожное училище на станцию Зима, а когда закончил учиться, остался работать в Зиминском депо осмотрщиком вагонов. Женился там и теперь каждое лето и осень приезжает с женой и ребятишками в Баеру — помогать матери с отцом заготовить сено, выкопать картошку.

А вот младшая сестра из-за своей скромности так и не вышла замуж. Правда, глядя на неё, не скажешь, что она несчастлива: улыбается всё время, шутит, любит своих племянников. Она так и работает в прачечной железнодорожной бани и живёт в доме обходчика, в большой комнате. Обходчик в ту комнату, в её царство, не заходит. Ему вполне хватает места возле печки и у стола. Сестра встаёт рано готовит на двоих, стирает, топит баню.

Вот так и живут они сейчас.

6.

Обходчик спустился к дому на седьмой версте. Это место так и звали железнодорожники: «На седьмой версте». После того как вёрсты заменили на километры, для обходчика мало что изменилось. Дом строился между шестой и седьмой вёрстами, а когда на железной дороге расстояние стали мерить километрами, как раз возле дома установили столбик, означающий, что от него до станции ровно семь километров. Весь

участок путей от западного переезда станции до моста через Бирюсу получался теперь чуть более двенадцати километров.

— Раньше ходил ты от версты к версте, а сейчас будешь от километра к километру, — сказал ему, смеясь, старший мастер, когда на участке расставили столбы, указывающие, сколько от какого в километрах до Москвы.

С появлением столбиков на каждом километре обходчик, шагая теперь в сторону Бирюсинского моста, с удовлетворением для себя отмечал, что приблизился к столице на три, на пять, на семь, на десять километров. Осознание того, что Москва становится ближе, веселило его. Иногда в голову ему приходила мысль: а что, если посчитать, сколько всего километров прошёл он за годы своей работы? Наверняка получится больше 4517 километров. Столько было, согласно разметке, от станции до Москвы.

«Да, наверное, уже бы и до Ярославского вокзала столицы раза два-три сходил и обратно вернулся, к нашему вокзалу, — думал обходчик. — Да что Москва? До Парижа уже бы дошёл и дальше — до Атлантического океана, наверное...»

Иногда, размышляя в пути, он намеревался, придя домой, попросить у соседки-барыньки глобус или карту мира и посмотреть-посчитать, прошёл ли он расстояние, равное Атлантическому океану от Европы до Америки, но как-то всё не находил на это времени.

7.

Соседка-барынька Нюра — Анна Георгиевна — жила теперь одна. Но не было в году, наверное, ни одного дня, чтобы к ней не заходили её дети и не прибегали внуки. Летом внучата жили у неё неделями.

Муж её, инженер Григорий Васильевич, несколько лет из Тайшета ездил на работу то в Тулун, то в Иркутск и жил там месяцами. А перед германской войной 1914 года отправили его в другую сторону: на станцию Мариинск. Обходчик помнил, что несколько раз он приезжал из Мариинска с подарками для жены и угощал леденцами и пряниками младшую сестру обходчика. Раза два ходили они с инженером на рыбалку на уже помелевшее озеро. Один раз он брал с собой барыньку Нюру и уже повзрослевшего сына Николая. А во второй, когда наловили много карасей, они ходили вдвоём — инженер и обходчик. Осенью 1916 года, уже в конце октября, застудился инженер на холодном ветру, заболел и умер в Мариинске, в железнодорожной

больнице. Его привезли в Тайшет в отдельном пассажирском вагоне, выгрузили гроб на перроне станции, и отец обходчика привёз его на подводе домой. Григория Васильевича похоронили на старом кладбище, которое потом, в двадцатых годах, закрыли и недалеко от него сделали городской парк. Захоронения частично разровняли, а кое-где они, неухоженные, заросли травой. Парк со временем расширили до границ бывшего кладбища, и отдыхающие, прогуливающиеся там люди, иногда натыкались на памятные плиты и дощечки, выглядывающие из земли. Нашёл место захоронения своего отца и сын Николай и даже как-то показывал обходчику чуть видимую из земли надпись на гранитной плите. Слово «Григорий» там можно было прочесть.

Николай, сын обходчика, ещё при жизни отца поступил в Иркутске в юнкерское училище, где его и застали революционные потрясения 1917 года. В 1918 году он оказался сначала в армии Колчака, но в 1919-м добровольно, с несколькими офицерами и солдатами двух армейских рот, перешёл к партизанам. После войны его отправляли на курсы работников культуры в Иркутск, а потом поставили заведующим железнодорожным клубом. Николай женился на красавице Анне — дочери одного из бывших офицеров колчаковской армии, перешедших с ним к красным. Николай Григорьевич построил собственный дом на перекрёстке улиц Рабочая и Партизанская и в 1925 году перешёл жить туда. Анна родила ему трёх сыновей: Николая, Евгения и Игоря. Младший, Игорь, родился совсем недавно — в августе 1939 года.

Ещё раньше Николая покинула дом матери дочь Анны Георгиевны Полина. Она вышла замуж за сына ссыльного поляка по имени Александр. Бойкий паренёк-гармонист работал в путевой бригаде и, сосватав Полину, увёл её в дом своих родителей, что был построен на улице Харинская, возле трёх растущих рядом тополей. За два года до женитьбы брата Николая у Полины родился сын, которого назвали Сашей.

Получалось довольно интересно и даже забавно: одного внука Анны Георгиевны — сына дочери — звали Александром Александровичем, а другого — сына её сына — Николаем Николаевичем.

8.

Подходя к молодому ельничку с левой стороны, направляясь на запад, обходчик всегда улыбался. Когда он смотрел на эти молодые стройные зелёные ёлочки, настроение его

улучшалась. После вырубок, прошедших здесь лет двадцать назад, этот участок почему-то начал зарастать ёлками. Несколько раз перед Новым годом обходчик выбирал среди них себе и, по заказу мастеров путейской службы, инженерам красивые ёлочки и приносил на станцию. Жалко было ему рубить каждый год по четыре-пять ёлочек, но, как считал и видел он, большого урона от этого не было. На поляне всходили новые ели. Зато сколько радости доставляли под Новый год ребятам (да и взрослым) украшенные игрушками лесные красавицы!

В конце ельника, но по другую сторону железной дороги, обходчика ждал последний на его участке железнодорожный домик. Обходчик решил спуститься к нему на обратном пути и последовал дальше. За ельником железная дорога делала изгиб и шла между высокими соснами. В сосняке всегда было много грибов, и каждый год в начале июля обходчик приносил домой по полной фуражке склизких, с блестящими шляпками, маслят. Да и сейчас, в сентябре, можно было найти среди сосен и боровички, и моховички. Бор тянулся километра на полтора и оканчивался на берегу Бирюсы. Вернее будет сказать, река разделяла бор, и он продолжался по другую её сторону.

Сразу за соснами, по ту же левую сторону, если идти к Бирюсе, начиналась станция Бирюсинка. Когда-то на этом месте, на левом берегу Бирюсы, сплошняком стояли сосны, но с постройкой моста и железной дороги решили поставить здесь сначала станцию, а затем и сплавную контору. Недалеко от берега сплавщики леса соорудили небольшой склад-навес, где хранились срубленные и освобождённые от веток и сучьев стволы сосен — брёвна. Выше склада срубили несколько домов. Новое поселение называли Бирюсинкой — по имени небольшой речушки, втекающей здесь в Бирюсу. Очень быстро Бирюсинка стала наполняться жителями. В течение трёх-пяти лет появились на станции магазин, начальная школа, фельдшерско-акушерский пункт, контора и клуб сплавщиков. Точно как грибы, образовывая новые улицы, выросли одно- и двухквартирные дома. Дикое когда-то место оживилось, и теперь издали, ещё из-за сосен, на подходе к Бирюсинке обходчик слышал крики петухов и мычание коров. Станция и посёлок строились по одной стороне от железной дороги. Дома стояли с двух сторон Бирюсинки и подходили близко к берегам Бирюсы. Самые крайние расположились метрах в ста от железнодорожной насыпи, ведущей к мосту. Эта насыпь, высотой метров

в пять-семь, тоже появилась при строительстве железной дороги. Она тянулась от моста до самой станции, постепенно уменьшаясь, и сравнивалась с землёй недалеко от перрона.

А по другую сторону железной дороги было кладбище. Погост, как называл его отец обходчика. Тихое место в бору. Проезжающие через Бирюсинку в пассажирских поездах люди не всегда обращали внимание на видневшиеся из-за деревьев кресты и памятники, обычно глядя в другую сторону — на дома и название станции. Но кладбище, если идти по откосу от перрона к мосту или обратно, было заметно. Обходчик, проходя по этому отрезку своего пути, когда крестясь, когда просто тяжело вздыхая, глядел на оградки и снимал фуражку.

Бывало, он заходил на станцию. Чаше — просто поздороваться и передохнуть, попить водички. Но случалось — по необходимости, когда обнаруживал неполадки на железнодорожном пути: связаться со станцией по телефону и сообщить начальству о том, что увидел. Общался он по службе с охранниками и рабочими железнодорожного моста. Его маршрут заканчивался у столбика с названием реки. За мостом работал другой обходчик, из Суетки. А мост считался особенной территорией. Он охранялся круглосуточно, и обслуживала его целая бригада, следившая за его состоянием. Всех этих ребят обходчик знал и, часто здороваясь с ними у моста, заводил разговоры. С обходчиками из Суетки (а за его бытность их сменилось уже трое) он тоже был знаком. Приходилось встречаться на собраниях, летучках и на праздновании Дня железнодорожника, когда собирали всех в конторе станции Тайшет. Бывал раза два обходчик и в Суетке. Она тоже разрослась, после того как проложили железную дорогу и построили мост. Правда, переходить реку по железнодорожному мосту жителям Суетки и Бирюсинки не разрешалось. Можно было проехать через мост по железной дороге, но для этого нужно было покупать билет на проходящий пассажирский поезд, причём только на тот, что делал остановку в Бирюсинке. Так продолжалось несколько лет, пока не пустили пригородно-хлебные поезда от станции Тайшет до станции Иланская, проходящие через Бирюсинку и Суетку дважды в день — утром и вечером.

Но нужен был и автомобильный мост. Его долго не строили — всё откладывали по разным причинам. И пока его не построили, с раннего утра и до позднего вечера через Бирюсинку летом ходил небольшой паром. Зимой для машин прокладывались ледяные переправы, а жители соседних станций

протапывали свои тропки по замёрзшей Бирюсе. Обходчик один раз, как и все, добирался до Суетки паромом, а в другой раз ему разрешили пройти через железнодорожный мост. Было выездное совещание путевых рабочих в Суетке, посвящённое паводку, и он был там, пройдя туда и обратно по мосту.

В Суетке за годы советской власти построили деревообрабатывающий комбинат и гидролизный завод. В отличие от Тайшета, сохранилась там церквушка, и верующие люди стремились туда из Тайшета в церковные праздники. Как-то, с отцом, матерью и младшей сестрой, ездил и плыл на пароме в Суетку и обходчик.

9.

Обходчик улыбнулся тому, что сравнил Тайшет и Суетку. Суетка-то так и осталась Суеткой, хотя была уже станцией и называлась теперь селом, а вот Тайшет с весны прошлого, 1938 года, получив статус города, стал Тайшетградом.

Пятьдесят лет назад и на месте Бирюсинки, и там, где теперь стоял Тайшетград, сплошной стеной стояла тайга. Отец его даже как-то заблудился в этих местах. По молодости пошёл пешком из Суетки в Баеру и плутал двое суток. А вот сорок лет назад железная дорога здесь уже была, но никто не мог даже подумать, что небольшая станция так быстро разрастётся и станет пусть небольшим, но городом. Ещё тридцать лет назад и даже двадцать Тайшет даже селом не был. Но появились новые улицы — Рабочая, Партизанская, имени Кирова, имени Чапаева, расширилось паровозное депо, построили новые вагонно-ремонтные мастерские, стало больше подъездных путей, переездов, железнодорожную линию подвели к молокозаводу, к мясокомбинату, к нефтебазе, к шпалопропиточному заводу.

Новое предприятие по пропитке шпал креозотом, появившееся на окраине станции, за озером и ручьём Крутеньким, вдохнуло в село, а затем в город новую жизнь. Недалеко от него стали строить длинные многоквартирные дома, куда заселяли приезжающих на завод специалистов и рабочих. Вдоль железной дороги, огороженные заборами, возвысились на несколько метров штабеля белых, ожидающих пропитки, и уже пропитанных чёрных шпал. Днём и ночью пропитанные шпалы грузили в нескончаемые вагоны и увозили на восток и запад, а на их место привозили новые — не пропитанные. На горке, сразу за озером, над ручьём Крутеньким, построили очистные сооружения,

призванные очищать отработанную жидкость от креозота. Но очистные сооружения делали это не очень хорошо. Мутная, с оранжевыми пятнышками, плохо очищенная вода стекала из лотка в ручей и попадала в озеро. Озеро быстро затянулось густым чёрным илом и обмелело. Рыба в нём больше не жила, и теперь обходчик, если позволяли время и погода, ездил рыбачить на Бирюсу. За шесть, восемь, а то и десять километров.

Население нового города и района возрастало ещё и за счёт прибывающих сюда крестьян. Большая часть из них была из раскулаченных и принудительно переселённых. Обходчик плохо понимал, глядя на них, кто из них кто. Некоторых везли в закрытых вагонах под охраной, другие ехали целыми семьями сами, в обыкновенных пассажирских вагонах, и везли с собой чемоданы и узлы с вещами. На станции по прибытии пассажирского поезда, бывало, выгружалось на перрон до ста и более человек. Одних выстраивали и увозили на подводах, другие на несколько дней занимали зал ожидания вокзала, а кому не доставалось там места, располагались на открытой площадке с правой стороны вокзала и в железнодорожном саду. Большинство, узнав про образующиеся в районе колхозы, стремились в деревни: Бирюсу, Окульшет, Семикрыловку, Кочергинскую (переименованную теперь в Нижнюю) заимку. Были и такие, кто обосновывался в Тайшетграде, становился горожанином.

Прирост населению города и района добавил и образованный на восточной окраине города исправительный лагерь, куда привозили в специальных вагонах политических заключённых. Недалеко от лагеря, обтянутого колючей проволокой, появились воинские казармы солдат-охранников, дома для офицеров и большое двухэтажное бревенчатое здание — контора нового исправительного учреждения.

«Да, много-много перемен произошло за последние годы, и, наверное, будут ещё», — думал обходчик, отходя вниз по откосу недалеко от Бирюсинского моста и пропуская новый грузовой состав, следующий в сторону Тайшетграда.

Его путь теперь тоже лежал туда.

Сегодня, в день его рождения, его младшая сестра с соседкой-барынькой Анной Георгиевной готовили праздничный ужин, на который соберутся и отец, и мать, и старшая сестра с мужем, и приехавший со станции Зима младший брат с семьёй.